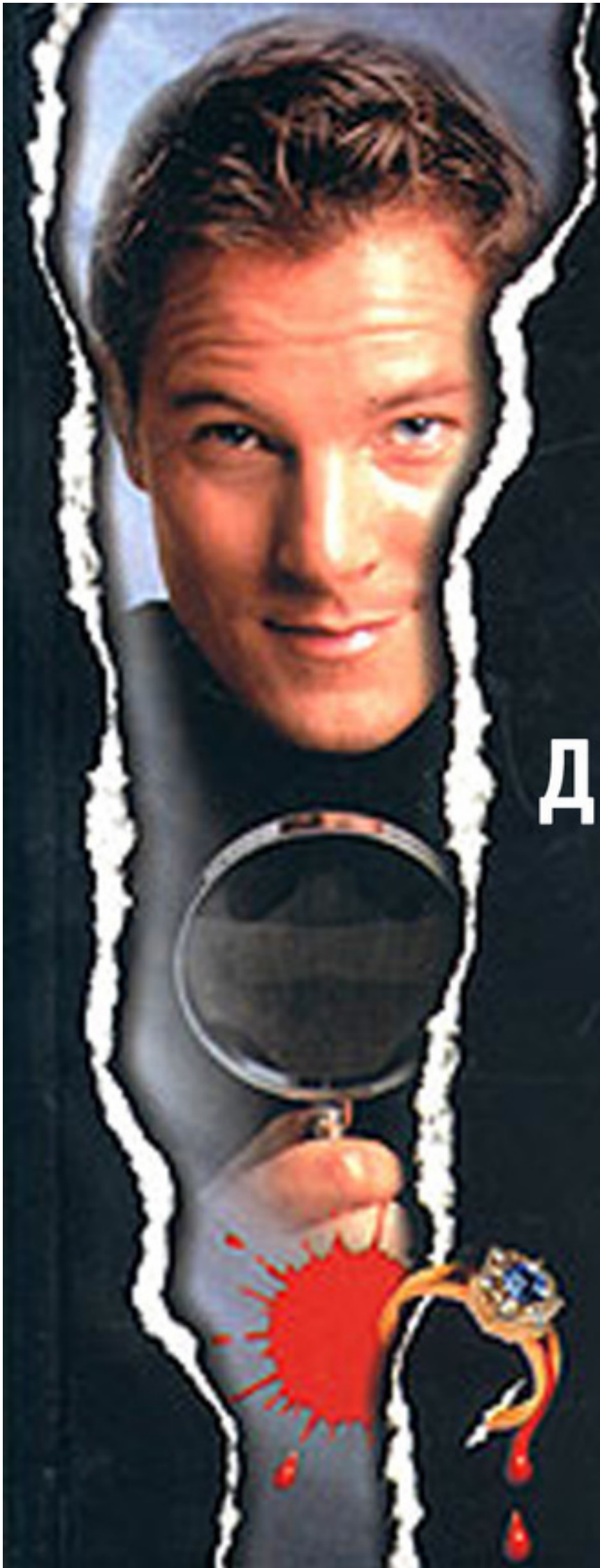

Наталья
Никольская

ДВОЙНАЯ ПЕТЛЯ

Бабуся

Наталья Никольская

Двойная петля

«Научная книга»

Никольская Н.

Двойная петля / Н. Никольская — «Научная книга», — (Бабуся)

Когда вездесущая баба Дуся сообщила своему племяннику о том, что у них пропала соседка, Игорь поначалу и не думал, что ему придется заниматься этим делом – муж пропавшей отказался от услуг частного детектива. Но когда его самого задержали по подозрению в убийстве, он уже заговорил по-другому и сам попросил Костикова помочь. Найдя в конце концов с помощью бабы Дуси главного преступника, Игорь и сам удивился, насколько запутанным оказалось данное дело...

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталья Никольская

Двойная петля

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Горяшка, все валяешься, как пельмень на сковородке? – баба Дуся влетела в квартиру после уличной прогулки.

Игорь недовольно поморщился. Обсуждать со своенравной старухой о том, где логичнее находиться пельменю – в кастрюле или на сковородке – ему уже надоело.

Он в этот момент действительно лежал, правда, на своем любимом диване в кабинете, и размышлял о различных делах. Дела, честно говоря, были не очень хороши – что-то в последнее время частный детектив Костиков был лишен клиентов. А тех, кто обращались с разными, не стоящими по его мнению, мелочами, он просто отшивал.

С тех пор, как Игорь приобрел себе лицензию и стал полноправным частным детективом с юридическим образованием, прошло время, и он уже успел, что называется, набить руку и знал себе цену. Поэтому уже не хватался, как в начале своей деятельности, за любое предложение.

А первое дело – даже вспомнить смешно, с чего оно началось! Подумаешь, казалось бы, у соседки пропала кошка! Но Игорь взялся расследовать даже это незамысловатое, на первый взгляд, преступление, и во что это вылилось?

Ему удалось разоблачить целую наркоторговую сеть! А все ведь, в сущности, благодаря бабе Дусе, или просто Бабусе, как привыкли называть старушку в семье.

Игорь вспомнил, с каким неудовольствием согласился он в свое время принять у себя эта деревенскую родственницу – сестру его родной бабушки, которая внезапно умерла.

Баба Дуся осталась совершенно одна, так как ни детей, ни мужа у нее никогда не было, и мать Игоря, и совершившая этот размен, в результате которого Игорь поселился в трехкомнатной квартире в центре города, тактично предложила бабе Дусе пожить некоторое время в городе.

Та отреагировала на редкость прытко – в считанные дни уладила все дела в своей деревеньке Вражино и быстренько переехала к Игорю, перепоручив свой дом и хозяйство соседям.

Поначалу вместе жилось им трудно – практически ни дня не обходилось без скандалов. Баба Дуся, надо признать, обладала на редкость въедливым и язвительным характером, кроме того, имела неискоренимую привычку совать свой востренький носик во все дела, подчас совершенно ее не касающиеся.

Игорь-то еще ладно, терпел, а вот его так называемая гражданская жена Ирина часто жаловалась Игорю на его родственницу – то табак своей нюхательный старуха рассыплет прямо на их диван, то разобьет любимую Ирину вазу, купленную на всю ее скромную зарплату библиотекаря...

К тому же она постоянно намекала на то, что Игорь и Ирина живут незарегистрированно, то есть как бы «во грехе», хотя сама старушка в бога сроду не верила. Скандалы постоянно возникали и на этой почве, так как Ирине казалось, что баба Дуся нарочно ее унижает и бьет по самолюбию.

Словом, скучать не приходилось, и Игорь с Ириной дожидаться не могли, когда сварливой, шустрой, нагловатой и острой на язычок старушонке надоест городская жизнь и она запросится обратно во Вражино.

Но шли дни, недели, а старушка и не собиралась никуда возвращаться, наоборот, обосновывалась в Тарасове все более основательно, чувствуя себя в квартире Игоря хозяйкой.

И неизвестно, чем бы закончилось это совместное житье, если бы не один случай.

Однажды Игорь, замученный упреками со стороны бабы Дуси, что он только и делает, что валяется на диване, важно заявил старушке, что он на самом деле частный детектив.

На самом деле в то время он не был никаким частным детективом, он был просто адвокатом, работающим в одной из контор, но страстно мечтал открыть собственное сыскное агентство под названием «ИКС» – «Игорь Костиков. Сыск».

Осуществлению этой мечты, однако, постоянно что-то мешало. Игорь не признавался даже самому себе, что виной – его пресловутая лень, но переживал по этому поводу здорово. Не помогали даже утешения и подбадривания Ирины, очень любившей своего незаконного мужа и мечтавшей о том, чтобы он добился успехов в любимом деле.

А баба Дуся, неожиданно услышав заявление о том, что ее внучатый племянник не кто иной как частный детектив вроде Майка Хаммера – а уж сколько фильмов она про него насмотрелась! – просто пришла в неопишуемый восторг.

Баба Дуся вообще относилась к изобретению под названием телевизор с большим уважением. Телевизор был для нее непререкаемым авторитетом. Информацию, почерпанную оттуда, она старалась запомнить и передать своему окружению.

Правда, Игорь подозревал, что старушка частенько слегка кривит душой, а проще говоря, откровенно привирает, рассказывая, что будто бы вот Николай Дроздов в своей передаче о животных говорил, что скоро наступит всемирный потоп, а Макаревич в своем «Смаке» утверждал, что мясо, оказывается, лучше всего жарить в большом количестве меда.

Произносила все это баба Дуся уверенно и могла в тот момент поклясться чем угодно, что слышала это своими ушами. Игорь с Ириной хохотали от души, старушка обижалась, но, к счастью, тут же забывала полученную или придуманную информацию, так что молодым, слава богу, ни разу не довелось отведать мяса в меде.

Одним словом, без телевизора баба Дуся просто не могла прожить, а уж что касалось ее любимых сериалов, то их она могла смотреть часами, порой перебегая от своего телевизора в комнату Ирины и Игоря, заглядывая и там в экран, если одновременно по двум каналам шли интересные фильмы или передачи.

И уж, конечно, ей хорошо было известно, кто такие частные детективы, только она никак не могла помыслить, что представители этой профессии наличествуют и в нашей стране, а уж то, что этим занимается ее внук...

Одним словом, все это подняло Игоря в глазах старушки на высоченный пьедестал, и не прошло и двух суток после этого глупого разговора, как баба Дуся торжественно привела Игорю первую клиентку.

Сейчас Игорь с полной ответственностью мог заявить, что именно благодаря бабе Дусе, ее находчивости и смекалке, это дело и было раскрыто.

И вот прошел год, и ни он, ни даже Ирина уже не могли представить себе жизни без бабы Дуси. Она стала просто незаменимым помощником Игоря в расследовании криминальных дел, и считала даже себя сотрудником агентства Игоря, получая зарплату от своего «начальника».

Ирина поначалу ревновала просто дико, а потом смирилась и даже почти перестала ссориться со старушкой, поняв, что та ни в коем случае не желает ей зла, а наоборот, во всех конфликтах Ирины с Игорем старается занять сторону девушки и вообще просто любит ее чуть ли не как родную дочь. Они даже стали своего рода подругами. И, хотя конфликты порой все-таки возникали, они не носили уже такой невротический характер.

Бабе Дусе очень хотелось, чтобы Игорь с Ириной поженились, и она прилагала все усилия, чтобы подтолкнуть к этому своего «твердолобого», как она говорила, внука.

Но Ирина, раньше очень хотевшая стать Костиковой, в последнее время стала все чаще и чаще избегать разговоров о браке, словно ее уже и не интересовала эта сторона их отношений.

Это настораживало Игоря, он вдруг понял, что боится потерять эту девушку. Что реально может случиться – вон Ирина какая привлекательная! И умная, и начитанная, и хозяйка прекрасная... Не слишком ли он был в себе уверен, когда думал, что она его любит больше всех и никуда от него не денется?

Именно об этом и размышлял частный детектив Костиков, лежа на диване у себя в кабинете, когда и раздался громкий возглас бабы Дуси.

Игорь даже не хотел на него отвечать, но проворная старушка сама прошла к двери его кабинета, распахнула ее и застыла на пороге, скрестив руки и укоризненно глядя на своего ленивого внука, которому говорят о деле, а он и ухом не ведет.

– Ох, ну что там у вас еще во дворе за новости, баба Дуся? – поморщившись, спросил Игорь, садясь на диване. – Вы ведь, кажется, оттуда? Наверное, что-то грандиозное, да? Кристина Орбакайте выходит замуж за Иосифа Кобзона и усыновляет Филиппа Киркорова?

– Чего? – оторопело вытаращила на этот бред свои глазки баба Дуся. – Как же она может его усыновить, ежели он как бы ейный отчим?

– Да это я шучу! – раздраженно махнул рукой Игорь. – Просто я неоднократно просил не беспокоить меня в послеобеденное время по пустякам! Мне нужно побыть одному, подумать, помедитировать...

– Ясно, яйцами потрясти! – сложила губы трубочкой старуха. – Пока валяешься, как пельмень на сковородке, дело из-под носа уплывает! А ты мух ртом ловишь! Аа-а-п-чхи! – это старушка нюхнула табаку из своего любимого кисета, с которым не расставалась никогда.

– Какое дело? – Игорь удивился одновременно и перспективе получения дела и крепкости выражений старушки. Видно, ее здорово задела его издевка по поводу звезд эстрады, которые она сперва приняла всерьез.

– Так Тамарка пропала! Соседка наша, из второго подъезда! Второй день уж дома нету! Весь дом на ухах стоит. Ты, Горяшка, скорей беги да...

– Стоп, стоп! – охладил пыл бабы Дуси Игорь. – Куда беги? Кто меня вызывал? Кто нанимал? Насколько я знаю, по прошествии трех дней, если пропавшая не появится, родственники должны заявить в милицию. Все.

– Да что нынче может милиция-то! – презрительно махнула рукой баба Дуся. – Мы с тобой вон сколько дел пораскрывали без ихней помощи! И нынче обойдемся сами, не сумлевайся!

– В этом я не сумлеваюсь, – усмехнулся Игорь. – Я сумлеваюсь, что мне кто-нибудь заплатит за расследование этого дела. Кстати, и вы, следовательно, зарплату свою не получите, – уколол Игорь старушку. – Меня же никто не нанимал. Или вы сами хотите меня нанять, оплатить все расходы по этому делу, потому что вам так дорога была соседка? Пожалуйста, расценки вам хорошо известны.

– Не уважаешь ты, Горяшка, старость, – покачала головой баба Дуся. – Энто во-первых. А во-вторых, как был глупым, так и остался. Ты не обижайси на меня – ты меня сильнее обидел, а только, пораскинувши мозгами, мог бы и прикинуть, что у Тамарки-то как-никак муж остался, Пашка. Неужто он не захочет, чтобы ему жену вернули?

– Не знаю, не знаю, – с сомнением покачал головой Игорь. Некоторые мужья еще и приплатили бы за то, чтоб их жена никогда не вернулась. Может, и он из таких?

– А вот ты бы не гадал, а по-быстрому к нему смотался да поговорил по-деловому, да все выяснил. Энто же недалеко – в соседний подъезд добежать. А я пока тесто для блинчиков поставлю, – закончила баба Дуся и пошла в кухню греметь посудой.

Игорь, посидев некоторое время на диване, подумал, что, чем черт не шутит? Можно и сходить. Тем более что сейчас такое положение, что дел нет совсем. Немного унизительно это как-то, правда – самому набиваться. Игорь уже привык, что

клиенты приходят к нему. А тут...

«Ладно! – решил он. – Схожу, поговорю. Будто просто из профессионального интереса зашел, а там будет ясно.»

Он быстро собрался, надел костюм, взял свою незаменимую трубку и отправился на улицу. Выглянувшая их кухни баба Дуся с руками, перепачканными мукой, довольно улыбнулась.

– Квартира сорок один у них! – крикнула она ему вдогонку, и Игорь чертыхнулся про себя, что забыл выяснить такую важную подробность, а хитрая старушонка помнит обо всех мелочах.

Октябрь уже активно вступал в свои права, и Игорь замерз в одном костюме, даже идя до соседнего подъезда.

Он специально поднялся пешком, выискивая квартиру под номером сорок один. Она располагалась на третьем этаже и была оборудована дверью фирмы «Тайзер». Поставить себе дверь этой престижной фирмы мог позволить себе далеко не каждый тарасовец.

Поколебавшись еще некоторое время, Игорь все-таки позвонил. На звонок открыл довольно симпатичный мужчина лет тридцати трех. У него были темно-каштановые, коротко стриженные волосы и серые глаза. Одет он был в домашнюю толстовку и спортивные брюки. Игорь вспомнил, что неоднократно сталкивался с ним во дворе, но никогда не здоровался – они не были знакомы.

Теперь, естественно, ему пришлось это сделать.

– Добрый день, – поприветствовал мужчину Игорь. – Вас, кажется, Павлом зовут?

– Ну, Павлом, – подтвердил мужчина. – А у вас, наверное, машина сломалась?

Тут Игорь вспомнил, что Павел занимается каким-то автобизнесом – у него было несколько точек, торгующих запчастями, а гараж его во дворе частенько был открыт, и Павла можно было застать там колдующим над сломанным карбюратором, принадлежащим кому-нибудь из соседей – все знали, что Паша отличный механик. Не отказывал Паша никому – дополнительный заработок никогда не помешает.

Игорю, однако, ни разу не доводилось обращаться к нему по поводу машины, хотя он слышал, что у парня золотые руки.

– Да нет, я к вам по другому вопросу. Насчет вашей жены, – сразу начал Игорь.

– А что насчет жены? – насторожился Павел.

– Но ведь она, кажется, пропала?

– Ну, пропала и пропала, это ее проблемы, – уже невозмутимо ответил Павел.

– И вы так спокойно на это реагируете? – удивился Игорь.

– А что мне еще делать?

– Вы в милицию обращаться собираетесь? – сухо спросил Игорь.

– Нет. Она сама ушла, чего ее искать?

– То есть она вас предупредила, что уйдет? – уточнил Игорь.

– Да как она могла предупредить, если мы разругались? Она даже разговаривать со мной не захотела, дура! Вот ведь характер тяжелый! – раздраженно проговорил Павел.

Потом, смутившись, сказал:

– Вы знаете что, лучше пройдите, что ли. А то мы тут на лестнице о таких вещах говорим... Я же понимаю, что вы неспроста ко мне пришли. Весь дом, поди, все уши прожужжал: «Жена пропала, а он и ухом не ведет!» Они же не знают, что на самом деле случилось!

– А что случилось на самом деле? – разуваясь в прихожей, спросил Игорь.

– Проходите сюда, – вместо ответа сказал Павел и провел Игоря в комнату.

Она была обставлена хорошо, добротной, качественной мебелью, но без шика, без показной роскоши. Если хозяин ее и имел достаток, то либо вкладывал деньги во что-то другое, либо достаток этот был не столь высок, чтобы позволить себе евродизайн.

Игорь сел в предложенное кресло, сам Павел полулег на диван и закурил.

– Курите, если хотите, – сказал он Игорю. – Вас, кажется, Игорем зовут?

– Да, – подтвердил Костиков, набивая трубку и думая, что не стоит представляться по имени-отчеству, ведь кажется, Павел настроен на откровенный разговор.

Набив трубку и закурив, Игорь спросил:

– Ну так что произошло у вас с женой в тот день? И, кстати, какое это было число?

– Восемнадцатое октября. То есть позавчера. А что произошло... Да обычная история. Из-за денег разругались. Слово за слово – и пошло-поехало. Да мне эти сцены были хорошо знакомы. Только на этот раз она уж что-то больно громко орала.

– Что значит – из-за денег? – уточнил Игорь.

– Да Тамарка постоянно ворчала, будто я мало денег ей

даю. Хотя одета она лучше всех у себя на работе, даже шубу норковую ей купил.

– А где она работает?

– В «Приволжстроймонтаж». Это институт такой, – пояснил он. – Чертежницей. Получает, конечно, мало. Так я же ее не упрекаю, что она на моей шее сидит! Все ей покупаю, что ни попросит, но в последнее время у нее уж слишком аппетит разыгрался. У меня отродясь таких денег не было, какие она затребовала.

– А на что ей нужны были деньги?

– Дело свое открывать задумала! – фыркнул Павел. – Тоже мне, бизнес-вумен! Я понимаю, конечно, что ей скучно в этом «Приволжстроймонтаже», вот и сходит с ума. Да это все равно что просто выбросить деньги! Тем более, что у меня их и нет, – снова оговорился он.

– А как вы жили? В смысле, каковы были ваши отношения к данному моменту?

– Да, можно, сказать, никакие. Вернее, партнерские. Я ее содержу – она мне жрать готовит, стирает, убирает. Вот и все.

– То есть никаких чувств между вами не осталось?

– Какие чувства? – изумился Павел. – Да я же видел, что ей от меня только деньги нужны... Хотя когда-то любила... – взгляд его как-то потускнел и наполнился грустью. – А теперь совсем мегерой стала.

– Расскажите, как вы поругались в тот вечер и что случилось после того?

– Я же говорю – поругались, как обычно, из-за денег. Она разоралась, что не будет со мной жить, если я не дам. Это она меня так шантажировала, дура! Я и сказал – ну, и катись к чертовой матери! Уж пожрать приготовить или рубашку постирать я и сам смогу! Или найду кого другого, получше тебя. Помоложе, во всяком случае. Она, конечно, не ожидала такого. Спать легла в другой комнате, а утром на работу ушла, как обычно. А вечером не вернулась. Ну, думаю, надулась, ждет теперь, небось, что я сам прибегу к ней мириться и еще прощения просить!

– А где она может быть?

– Да у кого-нибудь из подруг наверняка! Родителей-то у нее нет – померли давно.

– А на работу вы ей звонили?

– Нет. А зачем? Я человек гордый, первый мириться не пойду, особенно если вины за собой не чувствую. А я ни в чем не виноват! И вообще, я вам это говорю не потому, что найти ее хочу. Вернется – не вернется, мне все равно. Это я вам объясняю, что зря все эти бабки кипеж подняли, ничего с Тамаркой не случилось. Так что зря вы свои вопросы задаете – я ведь частного детектива все равно нанимать не буду.

– Понятно, – протянул Игорь, стараясь, чтобы в голосе его не было слышно разочарования.

– Это поди ваша бабуся вас ко мне направила? – улыбнулся Павел.

– Да, – признался Игорь.

– Вот ведь шустрая бабенка! И главное – все ей нужно! Но к сожалению, – он развел руками, – повторяю – я никого нанимать не буду. Да и уверен, что Тамарка вернется со дня на день, поняв, что я не приду. Куда ей от меня деваться?

– А почему, в таком случае, вы не разведетесь? – спросил Игорь. – Раз вам так тяжело жить вместе? Зачем вам эти постоянные скандалы?

– Да я давно хотел, – вздохнул он. – Только... Мне ее, знаете, все же жалко, хоть она и стерва. Ну, как она будет жить на такую зарплату? А, ладно! – он махнул рукой. – Время покажет, что будет дальше.

И Павел снова закурил, после чего щелкнул пультом, включая телевизор и давая понять Игорю, что разговор окончен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Участковый дядя Вася Куропаткин с утра мучился от абстинентного синдрома. Проще говоря, болел с похмелья. И обходить свой участок, следя за тем, чтобы на нем все было в порядке, ему совершенно не хотелось. Так как сам дядя Вася ощущал себя в большом беспорядке.

Он с утра лежал на диване, а на голове его красовался большой капустный лист, положенный заботливой рукой его жены.

– Вась, – сунулась в комнату сама Варвара Семеновна. – ожет, рассольчику?

– Ох, да сколько ж можно его хлебать, рассольчик этот! – простонал дядя Вася. – Видишь же – не помогает!

– Ну, давай я тебе бульончику куриного налью – может, полегчает?

– Не надо, – отказался дядя Вася.

Жена под села рядом и стала гладить мужа по больной голове прямо через капустный лист. Дядя Вася поморщился, но ничего не сказал.

– Вась, ну давай я тебя поцелую, – предложила жалостливая жена.

– Ну, поцелуй, – обреченно согласился дядя Вася, а про себя подумал: «Может, вырвет!»

Это он вспомнил анекдот, услышанный вчера на вечеринке, посвященной дню рождения капитана Бобкова, и долго над ним хохотал. После этого он вспомнил, сколько на этом дне рождения было выпито, как он, раздухарившись, танцевал краковяк на пару с Бобковым, а также вспомнил, что дальше он ничего не помнит.

Стойко выдержав смачный поцелуй супруги, дядя Вася почувствовал, как боль просто запульсировала в его бедной голове, растекаясь по всему телу...

– О-о-о! – застонал он, раскачиваясь из стороны в сторону.

Жена испуганно отпрыгнула в сторону.

– Вась, ну давай я... – робко начала она.

– Да пошла ты! – неожиданно заорал дядя Вася. – Не видишь, без тебя тошно!

Выражение лица Варвары Семеновны моментально сменилось на ненавидящее. От бывшего сочувствия не осталось и следа.

– Ах, ты, алкоголик чертов! – прошипела она. – Нечего было нажираться вчера, как свинья, сегодня бы и не болело ничего! Еще и оскорбляет, алкаш! Сегодня же напишу жалобу тебе на работу, что ты службу прогуливаешь!

С этими словами она круто развернулась и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью, и демонстративно начала греметь в кухне посудой, да погромче. Каждый удар отзывался в висках участкового Куропаткина тяжелой болью, словно по голове его колотили кувалдой.

– Тьфу! – послал вдогонку жене дядя Вася увесистый плевок и перевернулся на другой бок.

Облегчения это не принесло, и он, кряхтя и охая, стал подниматься с постели, ворча:

– Эх, и дура! Ну, и дура! Угораздило же жениться на этой дуре!

Не переставая расточать нелестные эпитеты в адрес своей половины, дядя Вася с трудом натянул форменные брюки и рубашку, пиджак, а на большую голову, содрав с раздражением вялый капустный лист, водрузил фуражку.

Протопав в коридор, он начал обуваться. Варвара Семеновна выглянула из кухни.

– Куда это намылился? – подозрительно спросила она.

– На службу! – рявкнул, не поворачиваясь, дядя Вася, у которого в этот момент никак не развязывался шнурок на ботинке, который он еще вчера не был в состоянии развязать.

– Знаем мы твою службу! – противореча сама себе, поджала губы Варвара Семеновна. – Опять похмеляться идешь, алкоголик! Опять с Бобковым своим водку жрать! Вот напишу на вас обоих жалобу...

– Черт, еще шнурок этот! – взвился дядя Вася, не слушая жену.

Дернув еще раз изо всех сил, он оторвал кусок шнурка и с удивлением рассматривал этот жалкий обрывок. Несколько секунд он молча вертел его в руках, потом повернулся к жене и с выпученными глазами заорал:

– А все ты, дура, под руку лезешь!

– Да я разве что... – начала жена, но дядя Вася, швырнув в сторону кухни обрывок шнурка, в одном ботинке прошел в зал и рванул на себя ящик комода, где лежали всякий запасные тряпочки.

Выбрав подходящий по цвету шнурок, он выпутал из ботинка остатки прежнего, вставил новый, обулся наконец, как положено, и, тяжело вздохнув, вышел из квартиры. Варвара Семеновна на этот раз даже не выглянула из кухни.

Лейтенант Куропаткин вышел на улицу, поежился от пронизывающего октябрьского ветра, потуже запахнул воротник и пошел грузной походкой по двору. Путь его лежал к Маньке Скворцовой, или просто Скворчихе, как звали ее все во дворе.

Манька жила в доме, напротив того, в котором проживал Игорь Костиков, и характер имела весьма премерзкий. Это была ядреная бабенка лет под пятьдесят, крикливая и базарная. Кроме того, Манька считала, что стоит на страже порядка в своем родном дворе и постоянно совала свой нос туда, куда не следовало.

Куропаткин, с одной стороны, понимал ее – баба лет десять назад схоронила своего мужа и с тех пор жила одна. Чем еще ей было заниматься, как не копанием в личной жизни соседей, среди которых она пыталась отыскать закоренелых и замаскировавшихся под честных граждан преступников?

Куропаткин уже неоднократно попадал в различного рода казусы, когда Манька, вытаращив глаза, сообщала ему, что, например, в сорок восьмой квартире проживает самый настоящий чеченский боевик, который, никого не боясь, каждое утро выходит «на дело» с автоматом Калашникова.

Когда же дядя Вася шел разбираться, выяснялось, что «чеченский боевик» – всего лишь мирный студент консерватории, который носит в своем футляре не что иное как скрипку.

После таких историй Манька очень конфузилась и старалась угодить дяде Васе как только могла. А надо сказать, что, несмотря на всю свою зловредность, обладала Манька одним весьма ценным качеством.

Его особенно ценили представители мужской половины двора, к которой принадлежал и сам дядя Вася – Манька гнала самогон. Причем отменного качества. В любое время дня и ночи любой житель мог получить свою порцию за весьма умеренную плату.

А дядя Вася, как наиболее почетный гость, получал и бесплатно. Вот и сейчас он направлялся к Маньке Скворцовой в надежде получить избавление от головной боли и мучительно перебирал в мыслях, чем Манька провинилась за последнее время.

Не припомнив ничего такого, за что ее можно было бы привлечь хоть как-то, лейтенант Куропаткин вдруг вспомнил, что сам факт самогонварения уже уголовно наказуем, поэтому пусть Манька не надеется, что ей все так просто сойдет с рук. Иначе он просто прикроет ее лавочку, как давно обещал, ни на секунду не думая и всерьез исполнять свои угрозы. Где бы он тогда стал бесплатно похмеляться?

Он прошел через двор, по своей выработавшейся за многолетнюю службу привычке вяло оглядывая мутным взглядом, не происходит ли вокруг чего-либо криминального, и, не отметив или не заметив с похмелья ничего такого, вошел в подъезд, где проживала Манька Скворцова.

На дяди Васино счастье, после его звонка за дверь послышалось громкое шлепанье ног. Это шлепанье ни с чьим другим спутать было нельзя – Скворчиха была дома.

Отперев дверь, она уставилась на Куропаткина и по его страдальческому виду сразу поняла, с какой целью он к ней пожаловал.

Надо сказать, что у Маньки к визитам участкового было двойственное отношение. С одной стороны, халявный самогон, выпиваемый Куропаткиным, было жалко, но с другой – Манька считала себя как бы негласным агентом участкового и от души надеялась, что тот когда-нибудь ее отблагодарит материально или еще как – там видно будет, или хоть хлебать самогонку пореже будет приходиться, паразит этакий!

Ладно бы уж хоть приходил как мужик, а то ведь только как участковый. От этого Маньке порой становилось обидно за себя как за женщину.

Да это и понятно – кому приятно чувствовать собственную не востребованность? Или, тем более, востребованность только как поставщицы халявного самогона?

Ведь даже «важные секретные сведения», которые Манька добывала путем подслушиваний, подглядываний и прочих шпионских дел, дядя Вася выслушивал с возмутительным равнодушием. То есть не воспринимал ее даже как агента.

Конечно, Манька пару раз лопухнулась, она и сама понимала, но ведь с кем не бывает? Но на этот раз она готова была встретить участкового со всей серьезностью, поскольку обладала сведениями просто-таки потрясающими.

– Фу-у-ух-ты, – обмахиваясь фуражкой, проговорил дядя Вася, проходя в квартиру Маньки. – Запарился совсем. Когда у вас лифт-то починят?

– А вот ты бы и поинтересовался! – не осталась в долгу Манька. – Только не у меня!

– Это не по моей части, – тут же отреагировал Куропаткин. – Мое дело – криминал.

– А раз криминал, – уперла Манька локти в крепкие бедра, – чего ж от прямых обязанностей увилываешь?

Манька, видно, решила лишиться на сегодня дядю Васю самогонки, поскольку вела себя больно уж уверенно и даже, как отметил дядя Вася, нагловаго.

Одета Скворцова была в стеганый домашний халат розового цвета, ее крашенные в яркий цвет волосы были накручены на бигуди, лицо было красным и распаренным – похоже, она недавно принимала ванну.

– погоди, Маня, – миролюбиво начал дядя Вася, никак не желавший лишиться чудодейственного средства от похмелья, – когда это я от своих обязанностей увилывал?

– А вот сейчас, например! – заявила Манька. – По двору убийца расхаживает – а ему хоть бы хны!

– погоди, погоди, – у бедного дяди Васи и так раскалывалась голова и он никак не мог дожидаться возжеленного спасения, а тут эта ненормальная баба опять с какими-то бреднями.

– Ты по делу говори! – повысил он голос, сменив тон на строгий ментовский, зная, как пронять Маньку. – Ты мне тут напраслину не наводи на людей! И так уже сколько из-за твоих подозрений мне каши расхлебать пришлось!

Манька часто-часто заморгала ресницами, отводя глаза, видно, вспомнив все свои огрехи.

– Да я что ж, дядь Вась, я разве зря говорить буду... – забормотала она. – Весь двор уж знает.

– Так, – строго произнес дядя Вася. – Еще раз повторяю – говори по делу. Не станешь – сейчас пойду и привлеку тебя за клевету! – блефанул Куропаткин, который все равно никуда бы не ушел, не опохмелившись.

Но на Маньку его строгий тон подействовал. Она прижала красные ладони с толстыми распаренными пальцами к груди и выдохнула:

– Ох, ну ты со мной прямо как с преступницей! Да разве ж ты меня не знаешь? Разве ж мы не в соседях живем столько лет? Э-э-эх!

Манька поднатужилась и выжала слезу.

– Разве ж я не старалась всегда органам угодить? – продолжала Манька. – А уж тебя всегда уважала! И сейчас! Хочешь, самогоночки плесну? Свежайшая, как слезиночка, чистая!

Манька Скворцова тоже знала, на какие клавиши нажать в организме Куропаткина.

– Самогоночки, говоришь? – почесал дядя Вася затылок, делая вид, что ему совершенно не хочется, но раз уж настырная баба настаивает...

– Вообще-то я на службе, – предупредил он.

– Ой, да куда ж она денется, твоя служба, – засуетилась Манька, проскальзывая на кухню и доставая с антресолей банку с прозрачной жидкостью. – Ты вот посиди, самогоночки выпей, да послушай, что я тебе скажу! А потом и пойдешь по делам своим служебным. Тем более, что дело-то серьезное, – понизив голос, добавила она.

Дядя Вася сел на табуретку, наблюдая, как Манька открывает банку и наливает в стакан самогон. О службе он сейчас думал в последнюю очередь.

Манька достала еще одну банку, на этот раз с солеными огурцами. Выловив парочку, она протянула их Куропаткину. Тот взял стакан, аккуратным залпом отправил его содержимое в рот, крикнул и захрустел огурцом.

Он сразу почувствовал, как боль в голове словно рассасывается, а сама голова будто светлеет. Для закрепления эффекта он выразительно посмотрел на банку. Манька тут же налила ему еще, но поменьше, продолжая ждать, когда лейтенант будет готов выслушать ее сведения.

После третьего стакана Манька решительно убрала банку обратно на антресоли, пододвинула свой табурет поближе к тому, на котором сидел Куропаткин и спросила:

– Ну?

– Чего – ну? – не понял дядя Вася.

– Готов дело принимать? Тут тебе все налицо – и преступление, и жертва, и преступник готовый!

Дядя Вася уже принял все, что хотел от Маньки. Принимать же еще какое-то дело совсем не входило в его планы. Но просто так уйти он тоже не мог – Манька, после того, как ею грубо пренебрегли, на весь двор разнесет, что участковый у них алкоголик и тунядец – словом, все то, что Куропаткин и так постоянно выслушивал от своей жены.

«Ладно уж, послушаю, – решил он, вытягивая ноги под столом. – Наверняка очередной бред. Скажу ей, что все проверю и улажу, да пойду!»

– Ну, давай, Мария, только короче, – разрешил он и кинул взгляд на часы. – у меня, знаешь, времени в обрез!

– Угу, – хмыкнула Манька, будто поверила. – Так вот. Ты в курсе, что Тамарка пропала?

– Какая Тамарка? – закурив, спросил лейтенант.

– Господи! – всплеснула руками Манька. – Он даже жильцов со своего участка не знает! Тамарка Беспалова, жена Пашки-автомеханика!

– Ну и что? – флегматично спросил Куропаткин, пуская дым в потолок.

– Как это что? – взвилась Манька. – Искать же надо!

– А на каком основании? Заявление о пропаже где? – пожал плечами Куропаткин.

– Вот! – торжествующе вскричала Манька. – Вот именно! Почему весь дом на ушах стоит, болеет, можно сказать, душой, а родному муженьку хоть бы хны?

Манька в упор уставилась на дядю Васю, ожидая от него ответа. Так и не дождавшись, она ответила сама:

– А потому, что он сам ее и грохнул!

– Ну, Мария, ты даешь! – хмыкнул Куропаткин. – Уже в убийстве готова человека обвинить. На каком основании?

– А как же? Посуди сам: жена пропала, домой не пришла, а он даже по соседям не побегал, не поспрашивал, может, она к кому зашла!

– Может, она на самом деле к кому зашла? – предположил дядя Вася, которому только убийства на его участке не хватало.

– Ага, и сидит там второй день! – съязвила Манька. – Я тебе больше скажу – как они жили-то? Ругались постоянно, чуть ли не дрались! А я один раз – случайно мимо двери проходила – и слышу, как Пашка орет: «Я тебя придушу когда-нибудь, если еще раз про это начнешь!»

– Про что? – механически переспросил дядя Вася.

– Не знаю! – огорченно ответила Манька. – Она замолчала сразу.

– Ну и что? – снова спросил дядя Вася.

– Что-что! – рассердилась уже Манька. – Ты бы пошел да спросил его: «А что же ты, голубок, в милицию-то не заявишь, что жена пропала?»

– Может, она к любовнику пошла? – предположил дядя Вася, которому, во-первых, не хотелось идти заниматься каким-то высосанным из пальца делом, а во-вторых, портить отношения с Пашкой, который частенько чинил его старенькую убитую «копейку», за которую не брались никакие другие автомеханики. Разумеется, делал это Паша бесплатно и, естественно, только из уважения к Василию Петровичу Куропаткину.

– Ха, а муж так спокойно реагирует, да? – возразила Манька.

– Если, сама говоришь, что у них такие плохие отношения, то ему может, и плевать, куда она пошла! Сейчас часто так живут – у него своя жизнь, а у нее своя.

– Вот ты пойд и расспроси! – не отставала Манька.

Дядя Вася вздохнул и с тоской уставился на антресоли. Манька кинула взгляд туда же и сказала как бы между прочим:

– Может, еще налить?

– Давай! – встрепенулся дядя Вася.

– Чтобы разговор у вас легче пошел, – добавила Манька, наполняя стакан наполовину.

Дядя Вася еще раз вздохнул и выпил самогон.

– Ну? – Манька нависла над ним монументальной грозной статуей. – Пойдешь?

– Ой, ну пойд, пойд! – поморщился тот, тяжело поднимаясь с табурета.

В коридоре он опять долго возился с ботинками, но на этот раз, к счастью, шнурок не порвался.

– Ну, смотри, Мария, – разгибаясь, погрозил Маньке пальцем дядя Вася. – Если выяснится, что зря на человека напраслину возвела – упеку на пятнадцать суток, так и знай! С конфискацией! – добавил он.

Манька закрестилась, забожилась на чем свет стоит, но дядя Вася уже топал по лестнице вниз.

Выйдя на улицу, он снова поежился и проклял всех баб вместе взятых. Сначала жена эта, обезьяна старая, теперь эта Манька неугомонная... Делать, что ли, бабам нечего, кроме как мужиков от дела отвлекать?

Как бы было хорошо сейчас заглянуть к Бобкову, перекинуться с ним в шахматилки партеечку-другую... А вместо этого нужно тащиться к Пашке Беспалову, лезть в его частную, можно сказать, жизнь! Тьфу!

Дядя Вася вновь пересек двор и поднялся на этаж, где располагалась Пашкина квартира.

Он уже собирался нажать на кнопку звонка, как вдруг дверь открылась, и дядя Вася увидел, что из Пашкиной квартиры выходит молодой, черноволосый парень с аккуратной бородкой, одетый в строгий костюм. В руках он держал трубку.

Куропаткин знал его – это был Игорь Костиков, адвокат, с недавних пор заделавшийся частным детективом. Жил он в том же доме, что и Пашка.

«Интересно, а что этому здесь понадобилось?» – подумал Куропаткин.

Дядя Вася не любил Костикова. Он не любил частных детективов вообще, более того – он презирал их, считая дилетантами, лезущими не в свое дело.

«Может, у него просто машина сломалась?» – решил дядя Вася.

– ... Так что извините, – услышал он голос Павла, – по вашей части тут ничего нет.

«Все понятно, – подумал дядя Вася, – значит, этот прилизанный пижон тут вынюхивает по поводу пропажи Тamarки. И ему уже успели напеть эти стервы!»

Первой мыслью дяди Васи было уйти – Пашка же сам сказал, что по части Костикова здесь ничего нет, а значит, и по его тоже, но Павел уже заметил участкового.

– Здорово, дядь Вася, – подал он ему руку. – Ко мне? Машина, что ли, опять сломалась? Так давай поглядим, я сегодня свободен.

– Да нет, Паш, – со вздохом, вытирая пот со лба, проговорил Куропаткин. – По другому делу я к тебе. По конфиденциальному, – покосился он на Игоря, который, уже собравшийся уходить, вдруг остановился и внимательно прислушивался к разговору.

– По-нят-но, – раздельно произнес Павел. – Значит, и тебе уже настучали, что Тамарка пропала... И что, ты пришел ее здесь искать?

– Поговорить, – коротко ответил дядя Вася.

– Ну, заходи, поговорить можно. Чувствую я, что меня замучают теперь этими разговорами, – вздохнул Павел.

– Извините, пожалуйста, – встрял Игорь. – Разрешите мне поприсутствовать?

Дядя Вася недовольно посмотрел на него.

– Я же сказал – дело конфиденциальное. Или непонятно выражаюсь?

– Но вы же сами только что сказали, что пришли просто поговорить!

– Неважно! – отрезал дядя Вася, захлопывая перед Костиковым дверь.

Игорь постоял немного в подъезде, потом сплюнул на недавно вымытый пол, и стал спускаться вниз.

Он был зол на всех – и на Куропаткина, и на Беспалова, и на себя, а особенно – на бабу Дусю, взбаламутившую его зря.

Придя домой, он, почувствовавший запах блинчиков, доносящийся из кухни, проигнорировал его, пройдя сразу к себе в кабинет.

Там он сел в кресло и принялся набивать трубку табаком. Не прошло и пяти секунд, как в кабинет просунулась головка бабы Дуси.

– Ну, чего там? – с интересом спросила она, доставая сой кисет и нюхая табак. – А-а-ап-чхи!

– Чего, чего! – раздраженно закричал вдруг Игорь. – лезете, сами не знаете во что! Не хочет он никого нанимать, ясно? И вообще! Этим делом уже участковый занимается. Да там и дела никакого нет, просто поругались они, и все! Завтра помирятся – и будет ваша драгоценная Тамара дома! А вам мало мексиканских страстей – вы их в родном дворе ищите! Ехали бы уж в Мехико – вы, помнится, как-то собирались туда!

Выкрикнув эту длинную тираду, Игорь демонстративно лег на диван и закурил, показывая бабе Дусе, что он настолько в ней разочарован и зол, что не хочет видеть.

Потом не выдержал, снова вскочил и закричал:

– И опять вы нюхаете свой идиотский табак! Сколько раз я просил вас не делать этого! Сколько раз Ирина выметала за вами эти крошки, которые мы находили даже на нашем диване!

– Уж лучше табак нюхать, чем трубкой дымить, – не осталась в долгу баба Дуся. – Для здоровья, по крайней мере, полезней! Организм очищает, а заодно и мозги!

Споры о том, что более полезно – нюхать табак или курить трубку, – происходили между бабкой и внучатым племянником постоянно, и оба к ним давно привыкли, каждый оставаясь при своем мнении. Игорь несколько раз в день набивал табаком трубку, а баба Дуся, обладая упрямым характером, продолжала нюхать свой любимый табак, не обращая внимания на протесты Игоря и Ирины, страдавших продолжительным чиханием, если старушка ненароком умудрялась просыпать где-нибудь горстку своего сокровища.

– Что касается моего здоровья, то если кто его и подрывает, то только вы своими бреднями! – выкрикнул напоследок Игорь и теперь отвернулся к стене уже окончательно.

Старушка постояла некоторое время молча, поджав губки, потом сказала как бы самой себе:

– Ну что ж, ушло это дело – придет другое. Не страшно. Страшно, когда человек в животное превращается. А я пойду-ка сметанки куплю к блинчикам.

С этими словами она вышла из комнаты, даже не хлопнув дверью.

Игорь, лежа один – Ирина была на работе в библиотеке, – прекрасно понимал, что обидел старушку, и не зря она его подколола. Злость его потихоньку начала остывать, сменяясь меланхолией.

«Только бы в депрессию не впасть! – подумал он. – Из-за такой ерунды! Что она там говорила про превращение человека в животное? Очень справедливо, между прочим!»

Игорь встал с дивана и заходил по комнате, думая, что перед бабой Дусей непременно придется извиниться, хотя он по-прежнему был уверен, что она подсунула ему «липовое» дело. В том смысле, что никакого дела там и нет. Просто баба решила, видимо, проучить мужа, вот и все.

Да, но с какой стати приперся участковый? Хотя его, скорее всего, просто достали расплзающиеся по двору слухи, вот и все. И дядя Вася Куропаткин уйдет от Павла с тем же, что и Игорь, в этом Костиков не сомневался.

Но перед бабой Дусей все-таки следовало извиниться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дядя Вася разулся в прихожей и прошел в комнату. Павел устроился на своем диване, а Куропаткин опустился в кресло, где за несколько минут до него сидел Игорь Костиков.

– Ну что мне, все сначала, что ли, повторять? – вздохнул Павел.

– Повтори, Паш, – просительно сказал дядя Вася. – Достали меня уже эти курвы наши дворовые! Чего у вас случилось-то? Небось поскандалили опять?

Павел набрал в легкие побольше воздуха и рассказал дяде Васе то, что уже поведал Игорю.

– Так-так, – лицо Куропаткина нахмурилось. – А раньше она у тебя так исчезала?

– Нет, – покачал головой Павел. – Но в этот раз она разошлась прямо! Никогда так не орала раньше!

– Слушай, – дядя Вася понизил голос, – не мое, конечно, собачье дело, но... мужика у ней не было?

– Нет, – твердо ответил Павел. – Вот это точно могу сказать. – Она всегда с работы – на работу. И дома сидит. Все. Никуда почти не ходила, да и потом...

Павел слегка замялся.

– Ладно, говори, чего уж, – подбодрил дядя Вася.

– Я тебе как мужику скажу – холодная она баба. Ей мужчины-то не больно и нужны. Знал бы, дурак, что она такая, сроду бы не женился!

– А чего же женился?

– Молодой был, глупый. Мы же поженились сразу, как школу закончили. Одноклассница моя нас познакомила на мою голову. А потом она болела постоянно по-женски, вечно ей нельзя было... Даже ребенка не может иметь. Мне ее жаль, конечно, потому и живу с ней, – Павел закончил свой рассказ и закурил.

– Н-да... – почесал дядя Вася голову. – Ну, а подруги-то у нее есть? Может, они в курсе?

– Есть, конечно, но немного. С работы в основном. Но я звонить им не буду! – категорически заявил он. – Пусть не думает, что я тут по ней с ума схожу!

– Паш, – из-под нахмурившихся бровей произнес дядя Вася, – я тебя прекрасно понимаю. Но можно же ей на работу позвонить.

– Да это одно и то же! – загорячился Пашка. – Все равно, что ей!

– Ну, давай я позвоню, – предложил дядя Вася.

– Давай, – вздохнул Павел. – Только я тебя прошу – звони не от моего имени, ладно? Ну, придумай там что-нибудь, а?

– Хорошо, – пробурчал Куропаткин. – Давай телефон.

Павел продиктовал рабочий номер Тамары, и через некоторое время участковый уже говорил по телефону. Лицо его все больше и больше хмурилось.

– Что там такое? – встревожившись, спросил Беспалов.

– Ее со вчерашнего дня на работе нет, – поворачиваясь к нему, ответил Куропаткин.

– Ты спроси, дядь Вась, может, она за своей счет взяла? Или больничный? – вытирая пот со лба, просил Павел.

Дядя Вася поговорил еще некоторое время, после чего повесил трубку. Некоторое время он молчал. Павел ерзал на диване.

– Плохи дела, Паша, – наконец проговорил Куропаткин. – Ушла она с работы позавчера, и больше ее никто не видел. Не отпрашивалась и насчет больничного не звонила.

– Господи, – растерянно проговорил Павел. – Это что же, выходит, она и в самом деле пропала?

– Ты хорошо смотри, она записки никакой тебе не оставляла?

– Да нет, – уверенно ответил Павел. – Она бы на виду оставила. Ничего такого я не находил.

Дядя Вася помолчал немного, потом, помяв в руках свою «Приму», закурил. Все это время Павел молчал, и лицо его было бледным.

Докурив, дядя Вася посмотрел на него:

– Ты уж извини, Паш, но я твою квартиру осмотреть должен, – сказал он, сминая окурки в пепельнице.

– Это что же, обыск, что ли? – побледнев еще больше, спросил Павел.

– Да какой там обыск, нет! – махнул рукой Куропаткин. – У меня и ордера-то нет. Просто осмотреть все надо.

– Ну, смотри, – пожал плечами Павел. – Мне скрывать нечего!

Дядя Вася грузно поднялся и заходил по комнате. Он не очень-то понимал, за что братья в первую очередь, и остановился возле балкона.

Подергав за ручку и убедившись, что балкон заперт, он попросил:

– Открой!

Павел послушно открыл дверь на балкон. Дядя Вася вышел на свежий воздух, поежился...

– Уж не думаешь же ты, что она здесь прячется... – начал было Павел и вдруг осекся – на выложенном плиточками балконном полу виднелись замытые пятна, очень похожие на кровь.

– Та-а-ак, – повернулся дядя Вася к Беспалову. – А дело-то, выходит, и в самом деле серьезное. – А ну-ка, давай дальше посмотрим!

Павел, растерянный и напуганный увиденным, только молча кивнул. Дядя Вася прошел в угол балкона и там наткнулся на большой бак.

– А это что? – спросил он у Павла.

– Это... Это бак с грязным бельем, наверное, – неуверенно ответил Павел.

– Странное дело! Такие баки обычно в ванной хранят! Что это он здесь делает?

– Да и этот всегда у Тамарки в ванной стоял! Ума не приложу, как он мог сюда попасть! – вид у Павла был совсем растерянный.

– Ты давно на балкон выходил? – спросил Куропаткин.

– Да не помню! Холодно уже, чего тут делать? Я прямо в квартире курю, Тамарка насчет этого не возражала, хотя сама не курит.

Дядя Вася приподнял крышку бака и начал выбрасывать его содержимое прямо на пол. Из бака полетели майки, юбки, свитера, цветастая блузка...

– Стоп! – дядя Вася вдруг ухватился за эту блузку. – Посмотри-ка, Паша.

Павел взял блузку в руки. Вся ее передняя часть была перепачкана в крови. Павел с ужасом смотрел на кусок материи, не зная, что и сказать.

– После того, как Тамара пропала, ты на балкон выходил? – тихо спросил Куропаткин.

Павел напряг лоб, потом твердо ответил:

– Нет! Точно говорю – нет!

– Пошли, – дядя Вася вернулся в комнату и сел на диван. Помолчав, он сказал:

– Ты меня, Паша, прости, но я обязан в милицию об этом сообщить.

– Ты что... – лицо Павла приобрело зеленоватый оттенок. – Ты меня подозреваешь, что ли, дядь Вась? Да я...

– Да никого я пока не подозреваю, черт побери! – взорвался вдруг Куропаткин, у которого от всех навалившихся событий вновь возобновилась головная боль. – И не мое это дело – подозревать! Но пойми – я обязан позвонить! Все! Остальное меня не касается, пусть следователь разбирается!

Он снова хмуро закурил, пуская дым в потолок. Потом посмотрел на понурю фигуру Павла и уже гораздо мягче сказал:

– Не подозреваю я тебя! Просто пойми – должен я это сделать! А уж дальше разберутся, выяснят все, кому полагается... Да не бойсь ты! – хлопнул он Павла по плечу. – если невиновен – отпустят тебя.

– Кранты мне, – ответил Павел. – Все против меня! Выходит, будто я Томку прирезал! Поди докажи, что ты не верблюд, когда тут такое!

– Ну, доказывать должен не ты, что невиновен, а прокурор, что виновен.

– Да что ты меня сказками кормишь, дядь Вась! Кому очередной «висяк» нужен? Кто там разбираться будет? Ведь даже тебе охота побыстрее с себя ответственность спихнуть! А уж там! Вот – убийца готовый налицо. И мотив есть – весь дом слышал, как ругались, и улики – кровь-то никуда не денешь!

– Да, только вот трупа-то нет, – резонно заметил Куропаткин.

Павел, хотевший было сказать что-то еще, осекся на полуслове.

– Ты погоди, не горячись! – уже строже сказал участковый. – И в прокуратуре не одни козлы работают. Я, со своей стороны, обещаю, что все, что от меня зависит, сделаю. А пока – извини.

И Куропаткин начал снова крутить диск телефона...

* * *

– Горяшка! – баба Дуся на этот раз не влетела, а как-то ловко юркнула в кабинет Павла. – Чего сидишь, беги скорее!

– Куда? – не понял Игорь, занятый своими мыслями.

Он только что думал о том, как вежливо извиниться перед бабой Дусей, и никак не ожидал ее появления. Оно сбilo его с мысли, и Игорь, от неожиданности нарушив свои намерения, закричал:

– Снова вы меня достаете своими глупостями...

Но лицо у бабы Дуси было такое, что Игорь осекся.

– Ну что еще случилось? – уже мягче спросил он.

– А то, что к Пашке-то милиции понаехало! И среди них, между прочим, дружан твой, Малой! А он ездить не станет почем зря. Еще раз тебе говорю – беги скорее! Я краем уха слышала, будто кровь нашли в ихней квартире!

– Вы же вроде как за сметаной ходили, – улынулся Игорь старушке.

– А чего ж? – та достала из авоськи банку сметаны и сунула ее чуть ли не под нос Игорю. – Я за ней, родимой, и ходила. Так это, случайно увидала, что во дворе творится! Мимо-то не пройдешь – все слышать!

– Знаю я, куда вы ходили! – шутливо погрозил пальцем бабуся Игорь. – ладно, пойду узнаю, что там случилось.

– Ага, ага, – закивала головой баба Дуся. – А у меня как раз блинчики будут готовы. Иришку покормлю, как с работы вернется.

– Только... – Игорь повернулся к бабе Дусе и строго посмотрел на нее. – Пусть не вздумает за мной бежать!

– А как жа! – прижала руки с авоськой к груди баба Дуся.

– Нежли я не понимаю, что ей там делать нечего...

Игорь вышел на улицу и заспешил к соседнему подъезду, возле которого и в самом деле стояла милицейская машина. Кроме того, он увидел автомобиль, принадлежавший его школьному другу, а впоследствии однокурснику, Олегу Малышеву.

Еще со школьной скамьи между этими людьми сложилась очень странная дружба. Дружьями «не разлей вода» их назвать было никак нельзя, но тем не менее существовала какая-то неведомая сила, которая постоянно тянула их друг к другу.

Возможно, что это было притяжение противоположностей, так как трудно было бы найти в мире двух других настолько же непохожих друг на друга людей, как Олег и Игорь.

Мальшев был невысоким, коренастым, но очень подвижным парнем. Несмотря на некрасивые черты его лица, оно было очень мужественным и волевым. Чувствовалось, что человек этот привык непременно добиваться поставленной цели. Причем сам.

Игорь же, напротив, был высоким, черты лица его были мягкими и благородными, было в нем что-то от белогвардейского офицера... Только в отставке, поскольку вся фигура Костикова была словно окутана атмосферой лени и сибаритства.

Кроме того, Игорь от природы был награжден множеством талантов. И был более одарен, чем Мальшев. Перед экзаменами Игорю достаточно было за ночь пролистать учебник – и «пятерка» была ему обеспечена. Олегу же приходилось просиживать по несколько часов в библиотеке, в прямом смысле грызя гранит науки.

То есть если один брал врожденной одаренностью, то другой – упорным трудом. И Мальшев бессознательно завидовал Игорю, несмотря на то, что считался его другом.

Зависть эта, кстати, проистекала вовсе не из-за успехов Игоря на его поприще. Тем более, что сам Мальшев, пойдя работать в милицию и напрямую используя свою напористость, добился того, что стал старшим следователем УВД по особо опасным преступлениям и даже выходить на дела международного уровня. Но говорил об этом всегда вскользь, полунамекками.

А Игорь, проработав некоторое время в адвокатской конторе, открыл, как уже говорилось детективное агентство. И кто из друзей преуспевал в данный момент больше, сказать было трудно. И не в этом было дело.

А дело было в том, что еще с юности Игорь пользовался большим успехом у девушек. А вот Олегу с ними почему-то постоянно не везло. И чем сильнее он старался, тем плачевнее оказывался результат.

Но нет худа без добра – махнув на женщин рукой и образно послав их подальше, Олег вплотную занялся карьерой, и, возможно, еще и по этой причине рост ее шел успешно.

Но самое главное заключалось в том, что единственная женщина, которую по-настоящему любил Мальшев и не мог ни махнуть на нее рукой, ни тем более послать подальше, была не кто иная, как Ирина.

Ира, Ирочка, Ириша...

Да-да, та самая, что являлась в настоящий момент гражданской женой Игоря Костикова. Мальшев помнил, как шел однажды к ней, очень давно, просить Ирину стать его женой. Сердце его просто трепетало всю дорогу...

В ответ он получил вежливый, но твердый отказ. Более того, услышал, что Ирина любит Игоря!

Большого удара по самолюбию Олег Мальшев не получил. Его вечный соперник легко получил даже то, что было для Олега самым дорогим на свете.

И если раньше он хоть и завидовал втихаря Костикову, то с того момента, не признаваясь в этом даже самому себе, он возненавидел его в душе.

Раньше, если Костиков обходил его в чем-то, Олег, сцепив зубы, делал все, чтобы добиться лучшего результата, и это ему удавалось. В данной ситуации он не мог сделать ничего. Ирина неоднократно говорила ему, что любит Игоря и не бросит его.

Мальшеву больно было смотреть, как она страдает, ведь будучи натурой утонченной, Ирина нуждалась в повышенном внимании и ласке. Игорь ей этого, по мнению Мальшева, не давал. Кроме того, Костиков не очень-то горел зарегистрировать с Ириной отношения, в то время как сам Олег был готов на это в любую минуту. Но и это не помогало – Ирина была предана своему Костикову.

Тем не менее, они периодически встречались, заходили друг к другу в гости, обменивались новостями... Но разговоры носили натянутый характер, Ирина чувствовала себя неловко, Малышев злился и ревновал, а Игоря все это раздражало.

Чаще они по отдельности встречались с третьим общим школьным другом Гошей, который работал психиатром, и от него узнавали друг о друге.

Однако в последнее время Игорю и Олегу приходилось чаще сталкиваться, поскольку оба занимались расследованием криминальных дел. Но Олег почему-то начинал ставить палки в колеса своему другу, хотя в конце концов они приходили к разгадке при взаимной помощи.

И каждое дело заканчивалось вроде бы укреплением дружеских отношений.

Такая вот странная картина сложилась в этой компании, и неизвестно, чем все это могло закончиться. Поэтому смекалистая баба Дуся и сказала, что никуда не пустит Ирину – уж очень ей не хотелось, чтобы она встречалась с Малышевым.

Во-первых, потому, что после встреч и разговоров с ним впечатлительная девушка очень переживала. А во-вторых, у бабы дуси болело сердце за счастье собственного внука. Уж очень ей хотелось, чтобы они поженились, нарожали детишек... А то живут как-то не по-людски. Нет, у них во Вражино все же люди другие. И живут по-другому.

Так думала баба Дуся, жаря свои блинчики, в то время, пока Игорь подходил к подъезду.

– Куда? – перегородил ему дорогу усатый сержант, стоявший перед дверью.

– Я Игорь Костиков, частный детектив и личный друг подполковника Малышева. Можете ему передать, если не верите, – спокойно ответил Игорь.

– Ну... Проходите, – помявшись, пропустил Игоря сержант.

Поднявшись на третий этаж, Игорь обнаружил, что дверь в квартиру Беспаловых открыта, и вошел туда. Он увидел участкового, стоявшего посреди комнаты и вытиравшего платком лоб, вжавшегося в кресло Павла Беспалова, совершенно разбитого и подавленного, и уверенно расхаживающего по квартире Олега Малышева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.